

Д 5
4-59

4.590

5380

ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ВРАЧЕБНОЙ НАУКИ.

ПРОФ. В. О. ЧИЖЪ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества Русскихъ Врачей въ память Пирогова, 27 декабря 1893, въ Петербургѣ).

1393 н.ч. п. 1007.
220458 кит. пр.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1894.

Ленинградский
Юридический Институт
Библиотека

X410.04 + X2(2)57-62

42
4-52

1910

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Печатается по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Предсѣдатель *В. Бехтеревъ*

СПИСОКЪ

ИЗДАНИЕ

Въ Казани въ Типографіи Императорскаго Казанскаго университета

1910

Казанскій университетъ

1910

Преступный человекъ передъ судомъ врачебной науки.

Проф. В. Ф. Чижъ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества Русскихъ Врачей въ память Пирогова, 27 декабря 1893, въ Петербургѣ).

Не смотря на отрицательное отношеніе современнаго общества къ метафизикѣ, господствующіе взгляды на главнѣйшіе вопросы даже практическаго значенія непосредственно вытекаютъ изъ тѣхъ метафизическихъ возрѣній, которыя завоевали себѣ общее признаніе, вошли въ нашу плоть и кровь. До настоящаго времени умами всего образованнаго общества владѣютъ основныя положенія метафизики Декарта. Какъ вполне вѣрно говоритъ Wundt, „въ возрѣніяхъ объ отношеніи тѣла и души, господствующихъ среди образованныхъ людей всѣхъ странъ и народовъ, мы во всемъ встрѣчаемъ слѣды ученія Декарта“. Общепризнано, что душа и тѣло самостоятельныя субстанціи, соединенныя въ человекѣ; каждая изъ нихъ подчинена собственнымъ законамъ и должна изучаться отдѣльно и самостоятельно, а не въ той ихъ совокупности, которую представляетъ человекъ. Психическія явленія поэтому считаются независимыми отъ соматическихъ, такъ-же какъ эти послѣднія независимы отъ первыхъ; причины тѣхъ и другихъ

¹⁾ Gehirn und Seele. Essays. 1885.

также совершенно различны, и потому объясненіе психическихъ явленій считается возможнымъ безъ изученія измѣненій въ организмѣ. Собственно при такомъ пониманіи человѣка нѣтъ мѣста изученію человѣка, какъ цѣлаго, единого и нераздѣльнаго, а мы имѣемъ лишь независимыя, несвязанныя между собою знанія объ его психической жизни и объ его тѣлѣ и его отправленияхъ.

Не допуская непремѣннаго параллелизма психическихъ и физическихъ явленій, постоянной зависимости психическихъ явленій отъ физическихъ,—стремились объяснить психическія явленія одними причинами, физические совершенно другими. И вотъ въ концѣ прошлаго вѣка, особенно во Франціи, возникло ученіе, что наша психическая жизнь складывается подъ вліяніемъ общественныхъ условій, „среды“. Предполагалось, что стоитъ лишь измѣнить общественныя условія,—измѣнится и человѣкъ, т. е. его психическая жизнь; это ученіе такъ овладѣло умами, что общественными условіями, воздѣйствіями „среды“ объясняли все: и поэтическую дѣятельность гениальныхъ поэтовъ, какъ это дѣлалъ Тэнъ, и преступленія, совершаемыя во всѣ времена, при всѣхъ условіяхъ, сравнительно весьма немногими, напр. преступленія противъ собственности. Было забыто, что тотъ же Декартъ указалъ на зависимость душевной дѣятельности отъ состоянія нашего тѣла, почему, по мнѣнію этого великаго метафизика, только укрѣпленіемъ нашего здоровья, можно улучшить наши умственные и нравственныя качества ¹⁾.

Ученіе о значеніи общественныхъ условій на сформированіе нашей духовной личности и на наше поведеніе настолько проникло въ плоть и кровь образованныхъ людей нашего времени, что все идущее въ разрѣзъ съ этимъ ученіемъ еще долго будетъ встрѣчать полное недовѣріе. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы должны отнестись къ тѣмъ независимымъ умамъ, которые создаютъ новое, совершенно не согласное съ господ-

¹⁾ Discours de la methode. Sixieme partie.

ствующимъ ученіемъ, ученіе объ органической преступности, основанное на гипотезѣ: все, что вліяетъ на нашу психическую жизнь, воздѣйствуетъ и на наше тѣло; все, что вліяетъ на наше тѣло, воздѣйствуетъ и на нашу психическую жизнь.

Ученіе, отрицающее зависимость психической организаціи отъ физической, было столь общепризнано, что выдающіяся изслѣдованія Р. Lucas ¹⁾ и Morel ²⁾, устанавливающія органическія причины преступности, не были замѣчены. Эти талантливые психіатры вполне опредѣленно высказали, что психическая организація, складъ психической жизни обусловлены физической организаціей, и потому преступность, обусловленная всей личностью преступника, зависитъ прежде всего отъ физической организаціи.

Врачи, наблюдая и изучая арестантовъ тѣми-же методами, какъ и больныхъ, не могли не замѣтить, что многіе арестанты отличаются отъ честныхъ людей и складомъ своей психической жизни и даже своею физической организаціей. Французскій психіатръ Despine ³⁾ въ 1868 г. и англійскій тюремный врачъ Thomson ⁴⁾ въ 1870 г. опубликовали свои изслѣдованія, въ которыхъ весьма подробно и систематично описаны особенности психической и физической организаціи преступниковъ. Въ 1869 г. Wilson ⁵⁾, на основаніи измѣреній 464 преступниковъ, утверждалъ, что у привычныхъ воровъ голова меньше, чѣмъ у честныхъ людей, особенно-же ея передняя часть. Но эти и многія другія изслѣдованія оставались совершенно незамѣченными, какъ это всегда бываетъ относительно первыхъ попытокъ ниспровергнуть господствующее ученіе.

Только Lombroso, энергія котораго не уступаетъ его геніальности, завоевалъ новому ученію вниманіе и ученыхъ, и образованнаго общества, почему мы должны его считать

¹⁾ Traité philosophique de l'hérédité. 1847.

²⁾ Des Degenerescences. 1857.

³⁾ Psychologie naturelle. 1868.

⁴⁾ Psychology of Criminals. 1870.

⁵⁾ The moral Imbecility of Habitual Criminals. 1869.

творцомъ медицинскаго изученія преступника. Безсмертная заслуга Lombroso состоитъ въ томъ, что онъ внесъ естественно-историческій методъ въ изученіе преступника. Онъ первый примѣнилъ къ изученію преступника тѣ методы изслѣдованія, которые дали столь блистательные результаты въ медицинѣ; онъ первый замѣнилъ случайное наблюденіе всестороннимъ, *систематическимъ* изученіемъ преступника. Онъ создалъ цѣлое направленіе въ наукѣ—*криминальную* или *уголовную антропологию*, задача которой—изученіе преступника, а не преступленія, и въ этомъ конечно нужно видѣть проявленіе гения: Lombroso сумѣлъ найти новую область изслѣдованія, вполне отчетливо указавъ на новый путь научнаго движенія впередъ.

Болѣе 2000 лѣтъ изучалось преступленіе, и ученіе объ этомъ явленіи достигло высокаго совершенства; преступника же никто не изучалъ научно. Вышеупомянутыя, необратившія на себя вниманія, изслѣдованія были лишь несистематизированныя, правда весьма талантливыя, наблюденія. Lombroso первый началъ изучать преступника своимъ и примѣромъ, своими, составляющими эпоху, работами ¹⁾ возбудилъ вниманіе многихъ ученыхъ къ этой новой области человѣческихъ знаній. Заслуга Ломброзо тѣмъ болѣе велика, что онъ вмѣсто преступленія, т. е. явленія, началъ изучать преступника, т. е. предметъ, и такимъ образомъ взамѣнъ науки абстрактной положилъ основаніе для науки конкретной. Напомню по этому поводу слѣдующее положеніе О. Конта: „Конкретная наука изучаетъ предметы, наука абстрактная—явленія“. Всякій, кто знаетъ исторію наукъ, будетъ восторженно привѣтствовать возникновеніе конкретной науки столь выдающагося значенія.

Вполнѣ естественно, что творцомъ криминальной антропологии былъ психіатръ что дальнѣйшей разработкой криминальной антропологии почти исключительно занялись врачи;

¹⁾ L'uomo delinquente. 1876. Palimsesti del carcere. 1888. Lombroso e Laschi. Il delitto politico. 1890. Lombroso e Ferrero. La donna delinquente. 1893.

врачи не могли даже среди всеобщаго увлеченія ученіемъ полной зависимости нашей душевной дѣятельности отъ вѣшнихъ условій забыть завѣты послѣдователя Аристотеля Галена, признававшаго преступную организацію и учившаго, что преступниковъ нужно уничтожать не потому, что они злы — они не виноваты, что такова ихъ натура, а потому, что они вредны. Исслѣдованія Ломброзо скоро обратили на себя вниманіе ученыхъ и скоро наука обогатилась цѣлымъ рядомъ работъ, посвященныхъ всестороннему изученію преступника — ихъ анатомическаго строенія, ихъ физиологической жизни, ихъ душевнаго склада. Криминальная антропология поразительно быстро завоевала себѣ вниманіе общества, о чемъ можно судить уже потому, что понадобился цѣлый рядъ учебниковъ криминальной антропологии ¹⁾, изъ которыхъ книга Согге и особенно Кюrella заслуживаетъ самой высокой похвалы. Нѣтъ, конечно, возможности перечислить всѣ исслѣдованія по криминальной антропологии; особенно много работаютъ въ этомъ направленіи итальянскіе и французскіе ученые; въ Италіи ²⁾ и Франціи ³⁾ издаются даже спеціальные журналы, посвященные медицинскому изученію преступника.

Въ Россіи, странѣ, гдѣ смертная казнь была отмѣнена гораздо раньше, чѣмъ гдѣ либо въ мірѣ, „Добросердечной Государыней“ ⁴⁾, дочерью великаго Царя-Работника, гдѣ народъ давно созналъ, что преступленіе есть проявленіе всего организма преступника, и называетъ преступниковъ „несчастливыми“ — новое ученіе скоро приобрѣло себѣ адептовъ, своими цѣнными трудами расширившихъ наши знанія о физической организа-

¹⁾ Corre. Les criminels. 1839. Н. Ellis. The criminal. 1890. Dortel. L'Antropologie criminelle. 1891. Francotte. L'Antropologie criminelle. 1891. Laurent. L'Antropologie criminelle. 1891. А. Mac-Donald. Criminology. 1893. Kurella. Naturgeschichte des Verbrechers. 1893.

²⁾ Archivio di Psichiatria ed Antropologia Criminale, издаваемый подъ редакціей Ломброзо.

³⁾ Archives d'Anthropologie criminelle, подъ редакціей Lacassagne.

⁴⁾ Щербатовъ. «О поврежденіи нравовъ въ Россіи».

ці преступника; работы Бѣлякова, Оболенскаго, Павловскаго, Троицкаго, Тарновской занимають весьма почетное мѣсто въ литературѣ криминальной антропологіи. Съ другой стороны нашъ Достоевскій далъ самое вѣрное, самое глубокое изображеніе психическаго склада преступниковъ; его „Мертвый Домъ“ цитируется во всѣхъ учебникахъ криминальной антропологіи.

Наконецъ, криминальная антропологія была предметомъ трехъ спеціальныхъ международныхъ конгрессовъ: въ Римѣ 1885 г., въ Парижѣ 1889 г. и въ Брюсселѣ 1892 г.; четвертый конгрессъ состоялся въ Женевѣ въ 1896 г. Если-бы криминальная антропологія была неудавшаяся попытка нѣкоторыхъ врачей видоизмѣнить науку уголовного права, какъ это думаютъ нѣкоторые педанты, не было-бы ни конгресса въ Брюсселѣ, не былъ бы назначенъ конгрессъ въ 1896 г.

Вообще нужно замѣтить, что большинство юристовъ относятся къ криминальной антропологіи прямо враждебно. Не мало статей и брошюръ, опубликованныхъ въ послѣдніе годы, посвящено специально опроверженію новаго ученія; по поводу этихъ нападокъ одинъ изъ лучшихъ спеціальныхъ журналовъ нашего времени (*Allgemeine Zeitschrift f. Psychologie und Physiologie*. Bd. V. S. 304) высказалъ, что большинство изъ противниковъ Ломброзо не дали себѣ труда основательно изучить сочиненія этого оригинальнаго мыслителя и что современныя нападки на Ломброзо и его ученіе весьма сходны съ тѣмъ, что писалось прежде противъ Дарвина. Дѣйствительно, противники криминальной антропологіи смѣшиваютъ въ новомъ ученіи основную гипотезу, открывающую новыя области для изученія и изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ; доказавъ неосновательность какого либо отдѣльнаго вывода, они спѣшатъ заключеніемъ о несостоятельности всего медицинскаго изученія преступника, забывая, что новое направленіе уже по одному тому, что методы его—объективные, научные, даетъ очень много для разъясненія самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ.

Эти частыя, повторяющіяся попытки опровергнуть новое учение, попытки, не прекращающіяся по сей день (самыя обширныя и солидныя сочиненія, направленныя къ опроверженію криминальной антропологіи, Ваег¹⁾ и Вульфферта²⁾ появились нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ)—лучшее доказательство живучести и значенія криминальной антропологіи. Если бы криминальная антропологія была только суммой недоказанныхъ выводовъ, если-бы она не стояла въ противорѣчьи съ господствующимъ ученіемъ, не было-бы надобности ее опровергать: ничтожество ея давно было-бы доказано и попытка Lombroso создать новое ученіе была-бы давно забыта.

Впрочемъ, даже самыя убѣжденные противники криминальной антропологіи признають за ней хоть ту заслугу, что она обратила вниманіе юристовъ на большіе успѣхи фізіологической психологіи и психіатріи послѣдняго времени. Юристы стали искать для себя въ медицинѣ полезныхъ указаній, привыкли цѣнить медицину, и такой выдающійся юристъ, какъ Van—Hamel³⁾, на Третьемъ Конгрессѣ Криминальной Антропологіи, на замѣчаніе одного докладчика, что юристы, въ случаѣ сомнѣній, должны обращаться къ помощи врачей, отвѣтилъ: „нѣтъ, мы должны къ нимъ обращаться для того, чтобы научиться сомнѣваться“. Слова эти были покрыты единодушными рукооплесканіями всего конгресса.

Если бы медицинское изученіе преступника и не дало бы ни одного положительнаго вывода объ особой организаціи преступника, то и въ такомъ случаѣ его значеніе и цѣнность все-таки были бы весьма значительны: изслѣдованія, произведенныя съ помощью точныхъ методовъ всегда обогащаютъ науку; медицинское изученіе преступника состоитъ изъ громаднаго числа антропометрическихъ, анатомическихъ и фізіологическихъ изслѣдованій, благодаря которымъ разъ-

¹⁾ Der Verbrecher. 1893.

²⁾ Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи. 1893.

³⁾ Actes du 3-me Congrès d'Anthropologie criminelle. p. 272.

яснены нѣкоторые вопросы антропологіи. Напримѣръ, извѣстная работа Benedikt'a ¹⁾ объ аномальныхъ извилинахъ убійць послужила къ болѣе точному изученію аномальныхъ извилинъ; и если-бы даже было доказано, что Benedikt ошибся, все-таки его работа послужила къ уясненію важнаго въ анатоміи вопроса.

II.

Медицинское изученіе преступнаго человѣка, зародившееся столь недавно, конечно не могло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дать много вполне доказанныхъ фактовъ и выводовъ. Только непониманіе того, что такое наука, и нелюбовь къ новому ученію, измѣняющему наши возрѣнія на многія явленія общественной жизни, могутъ подвинуть на упреки медицинскому изученію преступника въ томъ, что оно мало дало безспорныхъ фактовъ, что большинство изслѣдованій, устанавливающихъ особые физическіе признаки преступника, при провѣркѣ оказались неточными. Знаніе, основанное на методическихъ изслѣдованіяхъ, всегда развивается очень медленно, большинство изслѣдованій во всѣхъ областяхъ знаній не подтверждается позднѣйшими работами, и для установленія почти каждаго научнаго факта нужно много изслѣдованій многихъ тружениковъ науки. Поэтому, конечно, и новое направление въ изученіи преступника не могло въ нѣсколько лѣтъ обогатить науку многими открытіями.

Но вѣдь наука состоитъ не въ сводѣ твердо установленныхъ истинъ, а въ работѣ, въ движеніи человѣческой мысли въ направленіи намѣченной предварительными работами области; всякая наука есть изученіе, ряды вопросовъ, а не рѣшеніе ихъ.

¹⁾ Anatomische Studien an Verbrechergehirnen. 1879.

Установлено, что преступники дѣлятся на два класса. Первый классъ составляютъ случайные преступники: почти всякій при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ можетъ совершить дѣяніе, наказуемое закономъ; случайные преступники отличаются отъ честныхъ людей только тѣмъ, что жизнь поставила ихъ въ эти обстоятельства, т. е. они отличаются отъ честныхъ людей чисто внѣшнимъ образомъ. Второй классъ составляютъ привычные преступники, преступные люди; по вѣрному опредѣленію Liszt'a ¹⁾, не случай обуславливаетъ преступленіе привычныхъ преступниковъ, а они сами создаютъ внѣшнія условія, обуславливающія преступленія. Преступленія этихъ преступниковъ обусловлены не только внѣшними условіями, но особенностями ихъ организаціи, ихъ преступною натурой, по опредѣленію Liszt'a. Даже юристы, совершенно несогласные съ ученіемъ Ломброзо, напр. проф. Пусторослевъ ²⁾, допускаютъ, что эти преступники отличаются отъ честныхъ людей „духовнымъ состояніемъ, особенно недоброркачественнымъ относительно ума, чувства, воли“. Привычные или неисправимые преступники, преступный человѣкъ, преступникъ по натурѣ, врожденный преступникъ—вотъ объектъ медицинскаго изученія. Выдѣливъ преступнаго человѣка изъ общей массы арестантовъ, что уже само по себѣ есть крупное приобрѣтеніе и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи, криминальная антропология дала намъ не мало точныхъ свѣдѣній объ этомъ преступникѣ и, конечно, гораздо больше еще непровѣренныхъ или оспариваемыхъ наблюденій.

Еще Despine доказалъ, что болшинство преступниковъ по натурѣ неблагоприятны и непредусмотрительны; только этими свойствами ихъ ума и можно объяснить ихъ поступки, всегда вредные для нихъ самихъ. Тюремные врачи, отрицающіе ученіе Ломброзо, напр. Ваер ³⁾, признаютъ, что преступ-

¹⁾ Actes de 3-me Congrès d'antropologie criminelle. p. 93.

²⁾ Анализъ понятія о преступности. Стр. 172.

³⁾ Op. cit. 245.

ники въ умственномъ отношеніи ниже средняго уровня; особенно-же слабо развита у нихъ высшая душевная дѣятельность — вниманіе. Наконецъ, весьма авторитетные изслѣдователи, напр. Benedikt ¹⁾, настаиваютъ, что многіе преступники положительно неспособны къ тому продолжительному напряженію, которое необходимо для работы, и потому они неизбежно становятся паразитами. Лѣньность многихъ преступниковъ общеизвѣстна, и нашъ народъ категорически опредѣляетъ значеніе лѣньности въ пословицѣ „лѣньность мать пороковъ“. Столь-же общепризнано, что у этихъ лицъ высшія чувствованія — состраданіе и честность — менѣе развиты, чѣмъ у честныхъ людей. Недоразвитіе высшихъ чувствованій, слабость умственныхъ силъ и воли — весьма доказательные признаки несовершенной психической организаціи многихъ преступниковъ. Другія особенности душевнаго склада преступниковъ по натурѣ вытекаютъ изъ этихъ основныхъ недостатковъ и того образа жизни, на который обречены привычные преступники, лишены высшихъ чувствованій. Психологическія особенности преступника по натурѣ еще неполнѣ изучены, а, главное, мало объяснены; но въ общемъ признано, что по своему характеру, по своему душевному складу преступники представляютъ много своеобразнаго, отличаются отъ честныхъ людей. Даже противники новаго ученія, признавая слабость умственныхъ силъ, жестокость, безчестность, недоразвитіе воли у преступниковъ, объясняютъ эти психическія ихъ свойства, — одни, какъ напр. Ваег, или тѣмъ, что преступники, происходя изъ низшихъ слоевъ общества, имѣютъ и качества, свойственныя той средѣ, изъ которой вышли; другіе, какъ Tarde ²⁾, — образомъ жизни, условіями существованія большинства привычныхъ преступниковъ.

¹⁾ Die Vogabondage und ihre Behandlung. 1891.

²⁾ La Criminaité comparé. 1886.

Мнѣніе Ваег'а весьма характерно, какъ примѣръ того, до чего можетъ довести даже столь почтеннаго ученаго, какъ авторъ извѣстнаго сочиненія объ алкоголизмѣ, стремленіе во что либо отрицать новое ученіе. Ваегъ забываетъ, что во всѣхъ странахъ число преступниковъ между высшими классами общества относительно больше, чѣмъ между низшими; напр. во Франціи лица свободныхъ профессій составляютъ 4⁰/₀; преступниковъ же даютъ 7⁰/₀; въ Пруссіи составляютъ 2,2⁰/₀; число преступниковъ даютъ 4⁰/₀; въ Испаніи безграмотные составляютъ двѣ трети населенія, а между преступниками безграмотныхъ только половина. Наконецъ, что можетъ быть нелепѣе утвержденія, что низшіе классы имѣютъ тѣ-же психическія особенности, что и преступники. Неосновательность этого мнѣнія не нуждается въ доказательствахъ; приведу лишь слова Л. Н. Толстого, знающаго лучше Ваег'а бѣдныхъ, необразованныхъ людей: „русскаго мужика, нашего кормильца и—хочется сказать—учителя... можно и должно писать не только во весь ростъ, не только съ любовью, но и съ уваженіемъ, и даже трепетомъ“ (изъ письма къ Григоровичу).

Несостоятельность мнѣнія Tarde'а доказывается тѣмъ, что преступники по натурѣ обнаруживаютъ свою психическую организацію всегда очень рано и даже еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ они поражаютъ своею жестокостью, затѣмъ въ школѣ ихъ неспособность къ труду, раннее развитіе половыхъ желаній, злобность—дѣлаютъ ихъ нетерпимыми, и обыкновенно они начинаютъ свою преступную дѣятельность, не достигнувъ совершеннолѣтія; только старательный надзоръ родителей или опекуновъ предохраняетъ ихъ отъ преступленій въ юношескомъ возрастѣ. Умственная и нравственная тупость именно въ томъ возрастѣ, когда человекъ наиболѣе чутокъ ко всему доброму, рѣзко отличаетъ ихъ отъ честныхъ людей.

1) Garofalo. La criminologie 1888.

Хотя психологія почти до послѣдняго времени находилась подъ вліяніемъ метафизики, признававшей независимость духовнаго и физическаго начала другъ отъ друга, и мало разработала ученіе объ индивидуальности вообще, тѣмъ не менѣе и въ психологіи можно найти доказательства о врожденности основныхъ душевныхъ свойствъ человѣка, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя характеризуютъ преступника. Основательная разработка этого существеннаго въ криминальной антропологіи вопроса еще не сдѣлана, и теперь можно лишь съ достаточною убѣдительною утверждать о врожденности лишь нѣкоторыхъ психическихъ свойствъ преступника по натурѣ.

Слабость умственныхъ силъ большинства преступниковъ можетъ считаться и врожденной и послѣдствіемъ дурнаго воспитанія. Къ сожалѣнію, при современномъ состояніи знаній, мы не имѣемъ безспорныхъ доказательствъ въ пользу того или другаго заключенія. Можно лишь указать на то, что милліоны не получаютъ никакого образованія—и лишь немногіе столь тупы въ умственномъ отношеніи, что не могутъ ясно понять, къ чему приведетъ ихъ преступная дѣятельность. Весьма важное, по моему мнѣнію, самое важное свойство преступниковъ по натурѣ—это слабость воли; слабость воли состоитъ въ неспособности къ тому напряженію, которое необходимо для работы, и въ слабости вниманія, отъ чего объемъ сознанія у большинства преступниковъ безусловно меньше, чѣмъ у средняго человѣка. Я уже и экспериментально и, теоретически разрабатывалъ этотъ вопросъ ¹⁾ и поэтому здѣсь укажу лишь на значеніе этого явленія. При изученіи преступниковъ въ то время, когда я былъ врачомъ С.-Петербургскихъ тюремъ, меня поразила неспособность многихъ преступниковъ представить себѣ свое будущее, обсудить его. Только этой поразительною узостью объема сознанія можно объяснить то безмятежное веселье, которымъ наслаж-

¹⁾ Объемъ сознанія у здоровыхъ и душевно-больныхъ. (Архивъ психіатріи. 1887). Къ ученію объ органической преступности. (Тамъ-же. 1892).

дается воръ, прокучивая украденное. Многіе воры совершенно чистосердечно мнѣ рассказывали, что все ихъ сознание было всецѣло поглощено настоящимъ; мысль о возможности ареста и заключенія лишь изрѣдка, въ неясной формѣ, *безъ живыхъ чувствованій*, появлялась въ ихъ сознаниі. По ихъ собственному признанію, если-бы эта мысль отчетливо и *въ сочетаніи съ живыми чувствованіями* была въ ихъ сознаниі, веселье тотчасъ пропало-бы. Многіе преступники положительно не могутъ ясно представить себѣ неизбѣжное будущее, и только путемъ продолжительной бесѣды можно помочь ихъ своеобразному уму создать картину того, что ихъ ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ; тогда и они страдаютъ почти такъ-же, какъ и случайные преступники въ первое время своего заключенія; но сейчасъ-же шутка товарища, какое нибудь будничное, тюремное происшествіе, напр. ссора двухъ арестантовъ, всецѣло поглощаетъ ихъ вниманіе—и грусть тотчасъ-же исчезаетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, когда чловѣкъ, для достиженія наслажденія въ настоящемъ или ближайшемъ будущемъ, жертвуетъ своею будущностью, потому что, какъ справедливо замѣтилъ Лейбницъ, „наличное ощущеніе небольшого ожога дѣйствуетъ на насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ представленіе о величайшихъ наслажденіяхъ въ отдаленномъ будущемъ“. Но просто удивительно, какъ преступникъ по натурѣ, знающій уже на основаніи собственнаго опыта, какъ часто приходится платиться за свои преступленія, можетъ всецѣло и беззаботно наслаждаться плодами своего преступленія въ то время, когда ежеминутно нужно ждать появленія полиціи. То-же самое слѣдуетъ сказать о многихъ проституткахъ. Только этой неспособностью живо и полно представить себѣ будущее, зависящей отъ крайней узости объема сознаниа, можно себѣ объяснить, что нѣкоторые преступники могли дѣлать преступленія, наказуемая смертною казнью, во время самаго совершенія смертной казни надъ другими.

Мы не имѣемъ неоспоримыхъ доказательствъ въ пользу врожденности недостаточности вниманія, но сошлемся на из-

вѣстный разсказъ Дарвина. Узнавъ, что извѣстный дрессировщикъ обезьянъ платилъ въ два раза дороже за штуку, если ему давали право выбирать, для чего онъ ихъ оставлялъ у себя на трое сутокъ, Дарвинъ просилъ ему объяснить, какъ онъ можетъ въ теченіе трехъ сутокъ опредѣлить, какая обезьяна способна къ выучкѣ. На это ему дрессировщикъ отвѣтилъ, что онъ опредѣляетъ только степень вниманія у обезьяны; та, которая разсѣяна, не годится для выучки, съ ней ничего не подѣлаешь; чѣмъ внимательнѣе обезьяна, тѣмъ легче ее выучить, и онъ выбираетъ наиболѣе внимательныхъ. Едва-ли человекъ въ этомъ отношеніи отличается отъ обезьяны; самые лучшіе учителя, какъ то учить исторія, ничего не могутъ сдѣлать съ невнимательными учениками; сынъ Марка Аврелія, походившій на свою мать, не смотря на всѣ усилія отца и лучшихъ педагоговъ своего времени, былъ столь-же тупъ и дурень, какъ и его мать. На основаніи моего вышеупомянутаго экспериментальнаго изслѣдованія также слѣдуетъ заключить, что воспитаніе не имѣетъ вліянія на величину объема сознанія.

Гораздо точнѣе наши свѣдѣнія о врожденности основныхъ чувствованій и аффектовъ. Можно считать доказаннымъ и общеизвѣстнымъ, что аффекты—не только психическія, но и соматическія явленія; полная зависимость аффектовъ отъ физической организаціи не подлежитъ сомнѣнію и всѣ аффекты состоятъ въ параллельныхъ измѣненіяхъ души и тѣла; поэтому тутъ ужъ никоимъ образомъ нельзя отрицать непосредственной, ближайшей связи и взаимной зависимости между собой психическихъ и соматическихъ явленій; основныя особенности физической организаціи бесспорно врождены и во всякомъ случаѣ вполнѣ складываются уже въ отроческомъ возрастѣ. Основныя чувствованія настолько рѣзко выражены уже въ раннемъ дѣтствѣ, что необходимо признавать ихъ врожденными и даже переданными по наслѣдству. Послѣ геніальныхъ изслѣдованій Дарвина нельзя сомнѣваться, что основныя свойства физической и психической организаціи передаются

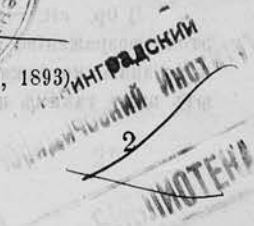
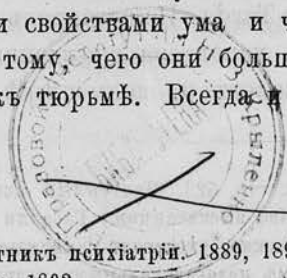
наслѣдственно. Такими основными свойствами, конечно, нужно считать главнѣйшія чувствованія. Въ моей работѣ ¹⁾ я подробно высказалъ мой взглядъ на этотъ предметъ и потому здѣсь ограничусь ссылкой на выдающійся трудъ Oelzelt-Newin ²⁾; на основаніи данныхъ психіатріи, антропологи и психологии этотъ талантливый философъ признаетъ основными и безусловно врожденными слѣдующія шесть чувствованій: страхъ, злоба, сочувствіе, любовь, гордость, стыдъ. Эти основныя чувствованія рѣзко выражены уже у дѣтей и различныя степени ихъ развитія у ребенка обуславливаютъ его нравственную личность. Воспитаніе и жизнь могутъ дать только то или другое выраженіе, то или другое направленіе этимъ основнымъ чувствованіямъ. Слабое развитіе сочувствія, стыда и гордости, крайняя злобность—вотъ обычныя характерныя особенности преступника по натурѣ; никто не сомнѣвается, что большинство преступниковъ страдаютъ—такъ именно слѣдуетъ выравиться—этимъ особенностями; Oelzelt-Newin приводитъ самыя убѣдительныя доказательства, что эти именно чувствованія врожденны. Конечно, многіе субъекты съ этими особенностями никогда не попадаютъ въ тюрьмы или потому, что кто-либо (напр. жена) ихъ бережетъ и сдерживаетъ, или потому, что, надѣленные достаточно сильнымъ вниманіемъ, они могутъ обсудить и взвѣсить послѣдствія своихъ поступковъ и потому дѣлаютъ всевозможныя гнусности, за исключеніемъ того, за чтò полагается уголовное наказаніе.

Врожденными преступниками слѣдуетъ считать только лицъ, обладающихъ такими свойствами ума и чувствованія, которыя приводятъ ихъ къ тому, чего они больше всего желали-бы избѣгнуть, т. е. къ тюрьмѣ. Всегда и всюду было

¹⁾ Nouveaux Essais, liv. II.

²⁾ Элементы личности. (Вѣстникъ психіатріи. 1889, 1893).

³⁾ Uber sittliche Dispositionen. 1892.

2

много безнравственныхъ людей, но только нѣкоторые изъ нихъ наказывались тюрьмой, потому что не могли достигнуть счастья, къ чему стремится все живое; люди, которые избираютъ самую дурную карьеру, такую, которая для всѣхъ представляется самой ужасной, должны, конечно, отличаться отъ всѣхъ остальныхъ. Напрасно противники криминальной антропологии, напр. Вульфертъ ¹⁾, указываютъ на то, что понятіе о преступленіи измѣнчиво, и потому лица, которыя совершаютъ дѣянія, теперь считаемыя преступными, не могутъ отличаться отъ тѣхъ, которыя совершали тѣ-же дѣянія, когда они признавались даже похвальными; конечно, понятіе о преступномъ мѣняется, но всегда за нѣкоторыя дѣянія полагалось относительно жестокое наказаніе, и потому всегда жизнь преступника, кончающаго на эшафотѣ, для всѣхъ была предметомъ ужаса; немногіе-же не могли приспособиться къ средѣ, не могли избѣгнуть пути, ведущему къ страданію; должны-же люди, избирающіе самую худшую карьеру, отличаться отъ тѣхъ, для которыхъ тюрьма—предметъ ужаса. Привычные преступники должны обладать самой несовершенной организаціей, такой организаціей, которая дѣлаетъ для нихъ недоступной всякую другую дѣятельность, толкаетъ ихъ туда, гдѣ ждетъ именно то, что доставляетъ имъ наибольшія страданія.

Tarde своимъ утвержденіемъ, что психическія особенности преступника обусловлены ихъ образомъ жизни, обнаруживаетъ удивительное незнаніе психологіи и даже весьма распространенныхъ ея отдѣловъ; напр. извѣстное сочиненіе о наследственности Ribot содержитъ много фактовъ, прямо отрицающихъ мнѣніе Tarde. Нашъ народъ давно подмѣтилъ, что основныя свойства характера врожденны, что и формулировалъ въ пословицѣ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ.

¹⁾ Op. cit. стр. 523. Почтенный авторъ придаетъ большое значеніе этому возраженію, высказанному Габелли противъ Ferrі; сочиненія Габелли я не знаю, но важно, что столь солидные ученые, какъ Вульфертъ, придаютъ цѣну такимъ недобазательнымъ возраженіямъ.

Мапougrier²⁾, не отрицая того, что основныя свойства психической организаціи, какъ онъ называетъ ихъ—*наклонности*, врождены, старается доказать, что *поступки* зависятъ отъ внѣшнихъ условій и что при тѣхъ-же самыхъ *наклонностяхъ*, т. е. при одинаковой психической и физической организаціи, поступки могутъ быть весьма различны въ зависимости отъ обстановки. Но онъ упустилъ изъ виду, что въ зависимости отъ совершенства организаціи субъектъ такъ или иначе приспосабливается къ средѣ, что главнѣйшая дѣятельность организма—это приспособленіе къ средѣ и что поступки въ этомъ направленіи обуславливаются именно основными наклонностями. Всякій, въ зависимости отъ своихъ способностей, занимаетъ въ жизни болѣе или менѣе желательное для него положеніе, и только основными свойствами (конечно, въ современном обществѣ большую роль играетъ происхожденіе, деньги и т. п.) обусловлена ступень въ той лѣстницѣ, на вершинѣ которой хотѣлось-бы помѣститься. Поступки для достиженія счастья каждый совершаетъ въ зависимости отъ своихъ способностей: конечно, поступки очень разнообразны въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, но все они дѣлятся *только* на двѣ группы: выгодныя или невыгодныя для насъ; въ каждой средѣ, при всякихъ условіяхъ, богато одаренныя натуры дѣлаютъ почти исключительно то, что ведетъ ихъ къ самому для нихъ нежелательному. Если гениальныя натуры одарены особой, отличной отъ обыкновенныхъ людей, организаціей—а въ этомъ мало кто сомнѣвается,—то съ такимъ-же правомъ мы должны допустить особую, отличную отъ обыкновенной, организацію наименѣе одаренныхъ, наименѣе способныхъ приспособляться къ средѣ, т. е. преступниковъ по натурѣ.

²⁾ Les aptitudes et les actes. Paris. 1891.

III.

Наиболѣе цѣнные доказательства въ пользу существованія особой организаціи у многихъ преступниковъ даетъ психіатрія: на основаніи данныхъ психіатріи можно утверждать, что должны быть субъекты съ особой, несовершенной организаціей, что многіе преступники не могутъ обладать здоровой, способной къ высшему развитію, организаціей.

Лица, у которыхъ душевные свойства преступниковъ наиболѣе выражены, краски, характеризующія преступника, сгущены, такъ сходны съ душевно-больными, что самые опытные психіатры расходятся въ экспертизѣ: одни признаютъ ихъ душевно-больными, другіе—преступниками и потому вмѣняемыми. И дѣйствительно, нѣтъ возможности отличить нѣкоторыхъ преступниковъ отъ душевно-больныхъ; какъ это еще указалъ Маудсли, между душевно-больными и преступниками стоитъ рядъ переходныхъ типовъ. Этотъ безспорный фактъ знаетъ не только всякій психіатръ, но и всякій образованный человѣкъ, читавшій внимательно судебныя хроники. Этотъ фактъ указываетъ, во-первыхъ, ближайшее родство преступности съ душевными и нервными болѣзнями и, во-вторыхъ, то, что преступная организація, такъ-же какъ и психопатическая, является врожденной или приобрѣтенной въ раннемъ дѣтствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя сомнѣваться, что существуетъ патологическая душевная организація, что эта организація унаслѣдована или обусловлена неблагоприятными физическими условіями въ раннемъ дѣтствѣ, точно также несомнѣнно, что близкородственная ей, столь сходная, что въ наиболѣе рѣзко выраженныхъ проявленіяхъ одну нельзя отличить отъ другой, преступная организація дѣйствительно существуетъ, что эта организація была наслѣдственна или обусловлена ужасными гигиеническими условіями, въ которыхъ протекаетъ дѣтство очень многохъ преступниковъ.

Многочисленныя, заслуживающія полного довѣрія наблюденія вполне подтверждаютъ такой выводъ. Еще Morel устано-

вилъ ближайшее біологическое родство между порочностью и душевной болѣзнію: этотъ гениальный наблюдатель подмѣтилъ, что дѣти порочныхъ, эксцентричныхъ лицъ обычно унаслѣдуютъ предрасположеніе къ заболѣванію душевными болѣзнями; потомки порочныхъ лицъ вырождаются, или, говоря иначе, вырожденіе, ухудшеніе породы начинается появленіемъ порочныхъ, преступныхъ организацій.

Преступники гораздо чаще, чѣмъ честные люди, происходятъ отъ родителей, страдавшихъ душевными и нервными болѣзнями; напр. по изслѣдованіямъ Penta ¹⁾, произведеннымъ относительно 500 преступниковъ, оказалось: душевныя болѣзни родителей у 18%; эпилепсія у 8%; истерія у 12%, другія нервныя болѣзни у 19%. Просто невѣроятно, чтобы потомки такихъ лицъ имѣли бы здоровую, нормальную организацію... Алкоголизмъ родителей имѣетъ громадное значеніе въ происхожденіи преступныхъ и психопатическихъ организацій; дѣти пьяницъ гораздо чаще, чѣмъ дѣти трезвыхъ родителей, бываютъ или преступники по натурѣ или психопаты. Въ исправительномъ заведеніи для молодыхъ преступниковъ Elmira ²⁾ найдено, что у 38% родители злоупотребляли спиртными напитками; Вагъ ³⁾ у преступниковъ въ Баваріи нашелъ алкоголизмъ родителей въ 34%. Столь сходныя цифры ручаются за близкую къ дѣйствительности точность.

Наконецъ, преступная организація столь часто передается наслѣдственно, что не можетъ быть и рѣчи о случайности этого явленія; Kurella въ своемъ почтенномъ трудѣ приводитъ исторію семей, въ которыхъ почти всѣ члены въ продолженіи многихъ поколѣній были или душевно-больные или преступники и проститутки. Feré ⁴⁾ нашелъ, что изъ 8227 малолѣтнихъ преступниковъ у 2575, т. е. у 30,5% родители были

¹⁾ Lombroso. *Nouv. Rescherches de Psychiatrie*. p. 106.

²⁾ Kurella. *Naturgeschichte d. Verbrechers*. p. 148

³⁾ *Alcoholismus*. p. 269.

⁴⁾ *Dégénérescence et Criminalité*. p. 73.

преступники; Jolly ¹⁾ такую наследственность нашелъ у 25%.- Опять-таки цифры весьма сходны. Одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей новаго ученія Магго, итальянскій Достоевскій, по выраженію Ломброзо, обратилъ вниманіе, что между дѣтьми пожилыхъ родителей преступная организація встрѣчается чаще, чѣмъ между дѣтьми молодыхъ супруговъ; а именно: онъ нашелъ, что между убійцами въ два раза больше потомковъ лицъ старше 40-лѣтняго возраста, чѣмъ между честными людьми.

Вотъ неоспоримыя доказательства біологическаго, органическаго происхожденія преступной натуры; преступная организація родственна съ психопатической, обусловлена вырожденіемъ вообще. Дѣти душевно-и нервно-больныхъ, пьяницъ-преступниковъ не могутъ въ большинствѣ случаевъ унаследовать отъ своихъ родителей здоровье, способное къ высшему развитію организаціи.

Осталось привести еще убѣдительное доказательство близкаго біологическаго родства между душевными и нервными болѣзнями и преступностью: признано безспорнымъ, что между преступниками душевно и нервно-больныхъ больше, чѣмъ между честными людьми. Это фактъ общеизвѣстный; можно лишь добавить, что въ дѣйствительности между преступниками душевно и нервно-больныхъ гораздо больше, чѣмъ это оказывается по нашимъ изслѣдованіямъ, въ виду самыхъ условий изслѣдованія. Въ 1891 г. въ Бельгіи организованъ Королевскимъ Указомъ особый психіатрическій надзоръ надъ всеми тюрьмами; психіатры поставлены въ независимое положеніе къ тюремной организаціи, что даетъ имъ свободу дѣйствій. Только благодаря этому крайне симпатичному нововведенію, мы можемъ надѣяться узнать дѣйствительную цифру душевно-больныхъ между преступниками.

Также несомнѣнно, хотя мы и не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ по этому поводу, что дѣти лицъ, всю жизнь

¹⁾ Le Combat contre le crime 1872.

проведшихъ въ сырыхъ, темныхъ квартирахъ, недостаточно питавшихся, работавшихъ съ вредными для здоровья матеріалами, напр. ртутью, свинцомъ, часто одарены несовершенной организаціей. При этихъ неблагопріятныхъ для здоровья условіяхъ вырастаютъ несчастные заморыши или съ нейропатической или съ преступной организаціей. Великій психіатръ Мейнертъ особенное значеніе придавалъ англійской болѣзни, производимой неблагопріятными для здоровья условіями, обусловливающей неправильное, недостаточное развитіе головного мозга. И дѣйствительно, развѣ англійская болѣзнь не бываетъ частой причиной несовершенно развитаго мозга, а слѣдовательно и психическихъ способностей. Сколько семей живутъ въ такихъ условіяхъ, что потомство ихъ страдаетъ англійской болѣзнію, сколько матерей имѣютъ тазъ, испорченный англійской болѣзнію, и потому родятъ дѣтей съ неправильностями черепа. Всѣ эти чисто біологическія причины обусловливаютъ появленіе и нейропатическихъ и преступныхъ организацій, и было бы нелогично допускать, что потомство старыхъ, слабыхъ, больныхъ, съ отравленнымъ организмомъ родителей ничѣмъ не отличается отъ потомства здоровыхъ.

Но и послѣ рожденія дѣти преступныхъ, больныхъ, отравленныхъ алкоголемъ, измученныхъ нуждою родителей обычно остаются въ условіяхъ, неблагопріятствующихъ нормальному развитію нервной системы. Оставаясь въ сырыхъ, лишенныхъ свѣта помѣщеніяхъ, лишенные и молока и ухода матери, работающей на фабрикѣ или шляющейся по кабакамъ, хилые потомки бѣдныхъ родителей вырастаютъ съ исковерканнымъ англійской болѣзнію черепомъ и уже по одному этому—несовершеннымъ мозгомъ. Едва ли нужно доказывать цифрами, что преступные, душевно-больные, злоупотребляющіе спиртными напитками родители плохо кормятъ своихъ дѣтей, плохо содержатъ ихъ и часто колотятъ; если даже нѣкоторые дѣти и не унаследуютъ порочной или нейропатической организаціи одного изъ родителей, то весьма недостаточное питаніе, дурное содержаніе въ раннемъ дѣтствѣ, могутъ обусловить

неправильное развитіе скелета, а слѣдовательно и головного мозга.

Юристы, особенно въ послѣднее время, приписываютъ большое значеніе дурному воспитанію, обуславливающему, по ихъ мнѣнію, преступность. Поистинѣ странно говорить о дурномъ воспитаніи тамъ, гдѣ съ рожденія недостаточное питаніе, дурной воздухъ не даютъ мозгу развиваться правильно. Сперва нужно обратить вниманіе и по возможности устранить главную причину—ужасныя гигиеническія условія, въ которыхъ возрастаютъ дѣти пьяницъ, больныхъ, измученныхъ нуждой людей; дурное воспитаніе—это второстепенное условіе, одинъ изъ многихъ моментовъ, формирующихъ преступныя организаціи. Дурно воспитываются дѣти, унаслѣдовавшія уже несовершенную организацію, въ раннемъ дѣтствѣ недостаточно питавшіяся и дурно содержавшіяся; дѣти здоровыхъ, не терпящихъ нужды родителей лишь въ видѣ исключенія получаютъ воспитаніе, подготавливающее ихъ къ преступленію, потому что только больные, порочные или забытые нуждою родители подготавливаютъ воспитаніемъ своихъ дѣтей къ преступленію; здоровые люди по мѣрѣ своихъ силъ готовятъ дѣтямъ лучшую будущность.

Значеніе воспитанія, какъ условія, благопріятствующаго развитію преступности, вообще понимаютъ неправильно; напр. изъ того факта, что между родителями преступниковъ много разведенныхъ супруговъ, выводятъ заключеніе, что недостатокъ воспитанія часто бываетъ причиной преступности. Какъ вполне справедливо замѣчаетъ Kurella, этотъ фактъ доказываетъ лишь то, что между родителями преступниковъ больше лицъ съ несовершенной организаціей, которая и обуславливаетъ разводъ и оставленіе дѣтей на произволъ судьбы; здоровые же люди не оставляютъ своихъ дѣтей, а воспитываютъ ихъ по мѣрѣ своего разумѣнія, лучше, чѣмъ были воспитаны сами.

И такъ, значеніе воспитанія въ развитіи преступности второстепенное; оно лишь одно изъ многихъ проявленій патологической наслѣдственности. Конечно, нельзя отрицать, что

крайне дурное воспитаніе можетъ сдѣлать преступника, но вѣдь нераціональное воспитаніе можетъ быть причиной и душевной болѣзни; однако никто не сомнѣвается, что душевная болѣзнь, причиненная воспитаніемъ, въ сущности произведена измѣненіями въ головномъ мозгу, напр. крайнимъ его мало-кровіемъ вслѣдствіе переутомленія и т. п.; точно также воспитаніе можетъ обусловить преступную организацію, систематически подрывая питаніе мозга, отчего онъ и не достигаетъ полнаго развитія. Воспитаніе можетъ, хотя конечно и не часто, пересоздать малолѣтнихъ преступниковъ, но не иначе, какъ рядомъ раціональныхъ мѣръ укрѣпивъ, развивъ нервную систему, что уже и принято въ основу исправленія молодыхъ преступниковъ въ заведеніи Elmira. Глубоко ошибаются тѣ, которые считаютъ человѣка такъ дурнымъ и глупымъ, что допускаютъ возможность одними словами подвинуть его на весьма непривлекательную жизнь привычнаго преступника; только человѣкъ съ несовершеннымъ отъ чисто біологическихъ причинъ мозгомъ и потому глупый, съ недоразвитой волей, лишенный состраданія, можетъ избрать себѣ дѣятельность, ведущую его въ тюрьмы и на эшафотъ; вѣдь всякій ищетъ счастья, и нормально одаренный человѣкъ понимаетъ, гдѣ его счастье, и не будетъ идти по дорогѣ, ведущей его къ несчастью.

Наконецъ, убѣдительнымъ доказательствомъ органическаго происхожденія преступности и несовершенства организаціи преступника по натурѣ служатъ слѣдующіе факты. Алкоголь часто бываетъ причиной преступленія; преступники вообще неудержимые пьяницы. Алкоголь, отравляя нервную систему, притупляетъ высшія чувствованія, ослабляетъ волю, т. е. искусственно превращаетъ организацію въ несовершенную, преступную. Человѣкъ, въ трезвомъ видѣ неспособный на преступленіе, въ пьяномъ видѣ, не теряя сознанія, вслѣдствіе воздѣйствія алкоголя на его организмъ, можетъ сдѣлать преступленіе, о которомъ будетъ сожалѣть всю жизнь. Хроническое отравленіе нервной системы алкоголемъ обычно ведетъ къ притупленію высшихъ чувствованій, ослабленію умственныхъ силъ

и воли; и вотъ порядочный, дѣльный гражданинъ, вслѣдствіе измѣненія его организма, превращается въ негодя и преступника. Хроническое пьянство можетъ путемъ физическаго измѣненія организма довести почти всякаго до помѣшательства или до преступленія; тутъ уже не можетъ быть и сомнѣнія, что преступность обусловлена чисто органическими причинами. Какую громадную роль играетъ пьянство, какъ причина преступленія, можно судить потому, напр., что между 30145 арестованными за преступленіе въ Ливерпулѣ въ 1872 году—62% оказались пьяными¹⁾.

Даже въ преступленіяхъ толпы, гдѣ, казалось-бы, меньше всего играютъ роль органическія причины, опьяненіе бываетъ частой причиной преступленія. Парижскіе психіарты еще въ 1871 г. констатировали, что между бунтовщиками всегда много пьяницъ и пьяныхъ²⁾. Кто-же не знаетъ, что въ бунтующей разсвирѣпѣвшей толпѣ, наиболѣе зазорные и отчаянные руководители почти всѣ пьяны, что пьяную толпу легко подвинуть на самое звѣрское, нелѣпое преступленіе. Между преступниками вообще много пьяницъ, что, конечно, доказываетъ несовершенство ихъ нервной системы; особенно убѣдительно, что между рецидивистами пьяницъ еще больше. Ваег утверждаетъ, что между женщинами, приговоренными къ тюремному заключенію въ 1-й разъ, 17% пьяницъ, а въ 5-й разъ—46%.

Замѣчу встать, что если злоупотребленіе спиртными напитками часто бываетъ причиной превращенія организаціи пьяницы въ несовершенную, преступную, то таковой же организаціей должны обладать и его потомки. Это законъ природы.

¹⁾ Baer. Alcoholismus. S. 334.

²⁾ P. Garnier. Actes du 3-me Congrès d'anthropologie criminelle. p. 377.

IV.

Много усилий было потрачено на изучение физической организации преступниковъ по натурѣ съ цѣлью найти опредѣленные физическіе признаки преступника. Lombroso болѣе всего повредилъ успѣху новаго ученія своими поспѣшными, недостаточно тщательно произведенными измѣреніями черепа, скелета, головы, туловища и проч. преступниковъ, при чемъ онъ нашелъ цѣлый рядъ признаковъ физической организаціи этихъ послѣднихъ; при провѣркѣ почти все заключенія Lombroso по этому предмету оказались ошибочными, что дало основаніе его противникамъ считать неосновательнымъ все его ученіе.

Психіатры давно примирились съ тѣмъ, что во многихъ, даже самыхъ тяжелыхъ врожденныхъ душевныхъ болѣзняхъ, напр. при идиотизмѣ, при современныхъ методахъ изслѣдованія не оказывается никакихъ аномалій физической организаціи; это однако нисколько не подрываетъ справедливости основнаго положенія психіатріи, что душевныя болѣзни суть болѣзни головного мозга, что патологическая душевная организація идиотовъ обусловлена патологической физической организаціей. Психіатры не сомнѣваются, что съ улучшеніемъ методовъ изслѣдованія будутъ найдены морфологическія аномаліи, обуславливающія аномалію психической организаціи душевно-больныхъ. Поэтому вопросъ о физическихъ признакахъ преступника по натурѣ, при современномъ состояніи нашихъ методовъ изслѣдованія, не имѣетъ большого значенія; если-бы даже было установлено, что преступники по натурѣ по своей физической организаціи ничѣмъ не отличаются отъ честныхъ людей, то это ничуть не доказывало-бы, что ихъ физическая организація *дѣйствительно* ничѣмъ не отличается отъ нормальной, а только то, что мы съ нашими грубыми методами изслѣдованія не умѣемъ опредѣлять признаковъ этой организаціи, такъ же какъ не умѣемъ опредѣлить аномалій физической организаціи при многихъ душевныхъ болѣзняхъ.

Понятно, что когда мы имѣемъ дѣло съ тонкими, мало уловимыми уклоненіями отъ нормальнаго типа, уклоненіями непостоянными—а только такими и могутъ быть аномалии преступниковъ: въ противномъ случаѣ они были бы давно замѣчены—въ этомъ случаѣ мы можемъ довѣрить только лицамъ, обладающимъ выдающеюся наблюдательностью, и тѣмъ ученымъ, которые много лѣтъ специально занимались изученіемъ преступника. Всѣ великіе поэты начиная съ Гомера (Терситъ) и кончая Достоевскимъ (Мертвый Домъ), отмѣчали, что преступники по натурѣ своею наружностью отличаются отъ честныхъ людей. Геніальнѣйшіе живописцы и ваятели, наблюдательность которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, всегда изображали преступниковъ, палачей, демоновъ иначе, чѣмъ святыхъ и честныхъ. Д-ръ Lefort ¹⁾ специально изучалъ, какъ великіе художники изображали преступныя натуры, и пришелъ къ заключенію (въ вѣрности котораго можетъ убѣдиться всякій, просмотрѣвъ приложенныя къ книгѣ снимки съ знаменитыхъ картинъ), что художники надѣляли преступниковъ тѣми-же признаками, какъ и криминальная антропология. Свидѣтельство художниковъ, надѣленныхъ особо тонкою наблюдательностью, является лучшимъ доказательствомъ того, что въ общемъ, въ совокупности преступныя натуры и по своей физической организаціи отличаются отъ лицъ съ нормальнымъ психическимъ складомъ.

Многочисленныя, весьма тщательныя изслѣдованія многихъ врачей доказали, что и при современномъ состояніи методовъ изслѣдованія у преступниковъ по натурѣ, такъ-же какъ и у душевно-больныхъ, можно опредѣлить нѣкоторые физическіе признаки ихъ несовершенной организаціи. Необходимо прибавить, что тѣ-же самые признаки вырожденія и патологическія аномалии мы находимъ и у душевно-больныхъ. Само собою разумѣется, что эти физическіе признаки мы находимъ не у всѣхъ преступниковъ по натурѣ,

¹⁾ Le type criminel d'après les savants et les artistes. 1892.

такъ-же какъ и не у всѣхъ душевно-больныхъ; эти-же признаки можно найти и у нѣкоторыхъ честныхъ людей; точно также присутствіе ихъ не доказываетъ и существованія душевной болѣзни у даннаго лица. Но у преступниковъ и у душевно, а также нервно-больныхъ эти признаки встрѣчаются гораздо чаще и, наконецъ, по нѣскольکو признаковъ у одного и того-же лица.

Эти признаки могутъ даже на фотографіи помочь отличить преступника по натурѣ; такъ на Третьемъ Международномъ Конгрессѣ Криминальной Антропологіи одинъ докладчикъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что признаки вырожденія и даже въ большомъ числѣ могутъ быть у совершенно честнаго человѣка, показалъ фотографію субъекта съ нѣсколькими признаками вырожденія и тѣмъ не менѣе никогда не судившагося; другой членъ Конгресса узналъ въ этой фотографіи извѣстнаго ему преступника и документами было доказано, что этотъ вырождающійся неоднократно былъ наказанъ за кражи, нарушеніе общественной тишины и т. п. ¹⁾ Этотъ весьма интересный случай доказываетъ, что нѣкоторые преступники безспорно и по своей физической организаціи отличаются отъ честныхъ людей.

Физическіе признаки, приписываемые преступному человеку, крайне многочисленны и разнообразны. Эти признаки дѣлятся на морфологическіе и физиологическіе; особенно много занимались первыми и каждый отдѣльный признакъ былъ предметомъ изслѣдованія нѣсколькихъ авторовъ; одни утверждаютъ существованіе всѣхъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ признаковъ, другіе, какъ на примѣръ Ваег, совершенно ихъ отрицаютъ. Не имѣя собственныхъ систематическихъ изслѣдованій, я не могу быть судьей въ этомъ спорѣ и потому ограничусь краткой передачей того, что мнѣ кажется наиболее вѣроятнымъ на основаніи изученія литературы предмета, свѣдѣній по патологіи нервной системы вообще и моихъ на-

¹⁾ Actes du 3-me Cungres d'Antropologie criminelle, p. 331.

блюденій надъ арестантами въ продолженіи моей трехлѣтней дѣятельности въ С.-Петербургскихъ тюрьмахъ.

Kurella, по моему мнѣнію, даетъ наиболѣе цѣлесообразное дѣленіе морфологическихъ признаковъ преступниковъ по натурѣ; онъ дѣлитъ эти признаки на—а) аномаліи, врожденные или приобрѣтенныя въ раннемъ дѣтствѣ и в) аномаліи, приобрѣтенныя въ продолженіе преступной жизни.

Къ признакамъ первой группы относятся: прогнатизмъ, сильно покатый (fliegende) лобъ, очень развитыя надглазничныя дуги, средняя затылочная ямка (fossa occipitalis media). Весьма сильно оспаривалось впервые высказанное Lombroso мнѣніе, что средняя затылочная ямка встрѣчается чаще у преступниковъ, чѣмъ у честныхъ людей. Возраженіе Manouvrier доказываетъ, что онъ не далъ себѣ труда ознакомиться съ ученіемъ Lombroso по этому предмету; кто прочтетъ этотъ споръ, убѣдится, какъ даже такіе солидные ученые, какъ Manouvrier, рѣшаются говорить о томъ, чего не знаютъ¹⁾.

Кромѣ того имѣютъ значеніе еще слѣдующія аномаліи: сравнительно малая вмѣстимость черепа, преобладаніе очень большихъ и очень малыхъ размѣровъ черепа, сравнительно большая величина задней половины горизонтальнаго діаметра головы, относительно малый лицевой уголъ. Хотя вообще опредѣленіе лицевого угла и не установлено вполне единогласно, однако нельзя умолчать, что Ten-Kate и Павловскій²⁾ нашли у преступниковъ лицевой уголъ 64,2°, Оршанскій³⁾ 69,3°, Ломброзо 69—76°; нормальнымъ считается лицевой уголъ въ 78—80°.

Почти доказаннымъ слѣдуетъ считать, что у преступниковъ по натурѣ чаще, чѣмъ у честныхъ людей, наблюдаются большія скулы и большая нижняя челюсть; даже Manouvrier⁴⁾, совершенно отрицающій ученіе Lombroso, нашелъ при изслѣдованіи скелетовъ, что у преступниковъ нижняя челюсть зна-

¹⁾ Actes du deuxieme congrès d'Anthropologie criminelle. pp. 191—204

²⁾ Revue d'Anthropologie. 1881.

³⁾ Bulletin de la Société d'Anthropologie. 1882.

⁴⁾ Corre. Le criminels. 1891. p.p. 93, 94.

чительно тяжелѣе, чѣмъ въ населеніи вообще. Я имѣлъ честь учиться антропометріи у Manouvrier и могу засвидѣтельствовать, что я не знаю никого точнѣе и осторожнѣе этого знатока антропометріи. Также довольно точно доказано, что верхнее небо у преступниковъ сравнительно часто представляетъ различныя аномаліи.

Весьма вѣроятно, что у преступниковъ относительно часты аномаліи черепа и его швовъ; можно лишь спорить о происхожденіи и значеніи этихъ аномалій. Я думаю, что главной причиной ихъ слѣдуетъ считать англійскую болѣзнь; едва-ли можно оспаривать, что эти аномаліи у преступниковъ встрѣчается чаще, чѣмъ у лицъ, не страдавшихъ нервными resp. душевными болѣзнями. Асимметрія черепа и лица, констатированная многими наблюдателями у преступниковъ, можетъ считаться аномаліей, имѣющей значеніе лишь только въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ, потому что вполне симметрическая голова встрѣчается сравнительно рѣдко; о частотѣ и значеніи асимметріи головы можно будетъ говорить лишь тогда, когда будетъ точно установлено, какія степени асимметріи слѣдуетъ считать патологическими. Многочисленныя изслѣдованія относительно вѣса мозга у преступниковъ не привели къ какимъ либо опредѣленнымъ положительнымъ заключеніямъ; кто самъ занимался взвѣшиваніемъ головного мозга и его отдѣльныхъ частей, тотъ знаетъ, съ какими громадными, чисто техническими затрудненіями приходится имѣть дѣло; неудивительно поэтому, что до сихъ поръ мы мало знаемъ о значеніи вѣса мозга вообще. Болѣе доказано, что у преступниковъ относительно чаще наименьшія и наибольшія цифры вѣса мозга, что по всей вѣроятности зависитъ отъ англійской болѣзни и злоупотребленія алкоголемъ. Сдѣлавшее такъ много шума открытіе Benedikt'a объ аномаліяхъ извилинъ затылочныхъ долей мозга у убійцъ встрѣтило категорическое опроверженіе и впредь до новыхъ изслѣдованій не можетъ считаться доказаннымъ.

Изъ аномалій другихъ частей тѣла наиболѣе часты все-

возможныя уклоненія наружнаго уха; онѣ изучены весьма подробно, но значеніе и происхожденіе ихъ, не смотря на всѣ эти изслѣдованія, намъ неизвѣстны; мы не знаемъ даже, имѣютъ ли вообще значеніе эти аномаліи, не суть ли онѣ просто ничего незначація колебанія, уклоненія отъ типа, или же обусловлены какою нибудь причиною или суммой причинъ и въ такомъ случаѣ служатъ выраженіемъ, доказательствомъ какихъ либо особыхъ свойствъ организаціи; обычно ихъ считаютъ признакомъ вырожденія.

Болѣе имѣютъ значенія обращавшія на себя вниманіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр. Laurent'a ¹⁾, аномаліи грудныхъ железъ. Я положительно утверждаю, что нигдѣ не видалъ такъ часто сильно развитыхъ грудныхъ железъ, какъ у арестантовъ; въ 1881 году я непосредственно отъ лѣченія матросовъ перешелъ къ уходу за арестантами и меня поразило, что почти не встрѣчавшіяся у матросовъ большія грудныя железы у арестантовъ попадались далеко не рѣдко; и вообще непосредственное сравненіе молодыхъ красивыхъ матросовъ съ некрасивыми, неуклюжими, надѣленными всевозможными аномаліями арестантами, тогда же навело меня на мысль, что и по своей физической организаціи арестанты представляютъ самую дурную, несовершенную часть человечества. Также могу подтвердить замѣченныя нѣкоторыми наблюдателями сравнительно частыя аномаліи наружныхъ половыхъ органовъ у мужчинъ; наиболѣе частая аномалія—это очень малый половой членъ съ узкой заостренной головкой. Даже Brocardel ²⁾ соглашается, что между вырождающимися чаще во всей фигурѣ есть что-то свойственное другому полу.

¹⁾ Laurent. Les habitués des prisons d. Paris. 1890. Въ высшей степени интересная и содержательная книга; молодой, талантливый авторъ за три года дѣятельности въ тюремной больницѣ собралъ много наблюденій объ особенностяхъ физической и психической организаціи преступниковъ.

²⁾ Actes du deuxieme Congrès d'Antropologie criminelle, p. 325—333.

Я лично не могъ въ этомъ убѣдиться; но могу положительно утверждать, что между преступниками сравнительно чаще субъекты совсѣмъ или почти лишенные волосъ на лицѣ. Меня такъ поразило это обстоятельство, что я почти всѣхъ арестантовъ съ хорошими усами или бородой подробно разспрашивалъ объ ихъ прошломъ; почти все это были преступники по страсти или вслѣдствіе несчастнаго случая; замѣчательно, что евреи составляли въ этомъ отношеніи исключеніе, что, впрочемъ, могло зависѣть и оттого, что я вообще мало видѣлъ преступниковъ-евреевъ. Въ виду того, что почти всѣ арестанты гладко острижены, я ничего не могу сказать относительно положенія, высказаннаго Lombroso, что у преступниковъ чаще, чѣмъ у честныхъ людей, на головѣ много волосъ.

Аномалии верхнихъ конечностей у преступниковъ пока не доказаны; Lombroso утверждалъ, что у преступниковъ верхнія конечности сравнительно длиннѣе, чѣмъ у честныхъ людей, но это положеніе еще никѣмъ не было подтверждено. Бѣльскаго до вѣрности заслуживаютъ наблюденія Claude и Vidocq'a, что у убійцъ часто встрѣчаются большія и длинныя руки; Magro утверждаетъ, что длинные, тонкіе пальцы часто наблюдаются у карманныхъ воровъ.

Kurella вполне основательно относитъ ростъ и вѣсъ преступниковъ къ признакамъ второй группы, потому что преступникъ по натурѣ начинаетъ свою преступную дѣятельность до совершеннолѣтія и потому образъ жизни вліяетъ у этихъ лицъ на величину роста и вѣса тѣла. Kurella на основаніи изслѣдованій Lombroso, Magro, Бѣлякова и собственныхъ признаетъ доказаннымъ, что между преступниками, особенно же между убійцами относительно много высокихъ и тяжелыхъ субъектовъ; если дѣйствительно это такъ, то нельзя сомнѣваться, что многіе преступники обладаютъ особой физической организаціей: они вѣдь живутъ почти всегда въ условіяхъ, неблагопріятныхъ для физическаго здоровья. Thompson уже обратилъ вниманіе, что между арестантами сравнительно много субъектовъ съ специфическимъ блѣдно-сѣрымъ

цвѣтомъ лица; Магго приписываетъ эту блѣдность повышенной возбудимости мозга, обусловливающей суженіе сосудовъ. Я могу подтвердить замѣченное нѣкоторыми изслѣдователями и точно изученное Ottolenghi явленіе, что у преступниковъ сравнительно поздно сѣдѣютъ волосы. Я былъ удивленъ, когда увидѣлъ, что арестанты, которые, какъ мнѣ казалось прежде, такъ много страдаютъ, переживаютъ такія тяжелыя душевныя волненія, въ пятидесяти-лѣтнемъ возрастѣ почти и даже совсѣмъ не имѣютъ сѣдыхъ волосъ. Изученіе ихъ душевной жизни объяснило мнѣ это явленіе: ихъ неспособность думать и волноваться по поводу будущаго обусловливаетъ такое душевное спокойствіе, которымъ не надѣлены обыкновенные люди. Я помню молодого убійцу по разсчету, только-что присужденнаго къ безсрочной каторгѣ; во время нахождения въ больницѣ онъ занялся всецѣло изученіемъ порядка храненія водки и вина, даваемыхъ больнымъ; основательно ориентировавшись, онъ воспользовался первой оплошностью прислуги и безпрепятственно роспилъ съ сосѣдами весь въ тотъ день доставленный запасъ спиртныхъ напитковъ, послѣдствіемъ чего былъ дебошъ, много испортившій крови зрителю и надзирателямъ и оставившій виновнику лишь одно пріятное воспоминаніе.

Lombroso компрометировалъ ученіе о татуировкѣ преступниковъ неправильнымъ объясненіемъ этого явленія. Конечно, относительно частая татуировка преступниковъ не можетъ считаться проявленіемъ атавизма; но фактъ остается фактомъ, и безусловно доказано, что преступники и проститутки татуируются чаще, чѣмъ честные люди. Если принять во вниманіе, что изображенія и слова, избираемыя преступниками, большею частью циничны, грубы и пошлы, то нужно признать, что благодаря изученію татуировки преступниковъ, мы болѣе узнали о душевной жизни преступниковъ и проститутокъ.

Врожденные и приобрѣтенные физическіе признаки преступника, по мнѣнію наиболѣе осторожныхъ авторовъ, напр.

Fee и Ваег'а, суть признаки вырожденія и послѣдствія крайне неблагоприятныхъ гигиеническихъ условий, въ которыхъ живутъ родители преступниковъ и они сами въ раннемъ дѣтствѣ. Такое объясненіе происхожденія этихъ признаковъ вполне согласно съ вышеуказаннымъ происхожденіемъ преступныхъ организацій. Мы знаемъ отъ какихъ причинъ, при какихъ условіяхъ возникаютъ преступныя организаціи; признаки вырожденія и аномаліи патологическаго характера, напр. неправильности черепа и его швовъ, зависящія отъ неблагоприятныхъ для здоровья условій ранняго дѣтства, подтверждаютъ такое объясненіе происхожденія преступниковъ по натурѣ. Само собою разумѣется, что мы можемъ утверждать лишь то, что у преступниковъ эти признаки наблюдаются гораздо чаще и по нѣскольку признаковъ у одного субъекта; столь-же бесспорно, что и у идеально-честнаго человѣка могутъ быть признаки вырожденія; присутствіе этихъ признаковъ не доказываетъ, что данный субъектъ обладаетъ преступной или нейропатической организаціей.

V.

Много труда было употреблено на изученіе біологическихъ или фізіологическихъ признаковъ преступника по натурѣ. Первые систематическія изслѣдованія въ этомъ направленіи также принадлежатъ Lombroso; и въ этомъ вопросѣ Lombroso своими успѣшными выводами далъ основаніе своимъ противникамъ упрекать въ бездоказательности криминальную антропологию. Кто знаетъ хоть нѣсколько психофизику и фізіологию органовъ чувствъ, тотъ понимаетъ, что изслѣдованіе преступниковъ, характерныя особенности которыхъ—слабость вниманія и поразительная лживость, представляетъ почти непреодолимыя трудности.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ удивительной живучести наиболѣе преступныхъ субъектовъ; понятно, что это обстоятельство очень трудно доказать въ виду большой смертности въ тюрьмахъ вслѣдствіе понятныхъ всякому условій.

Такой осторожный авторъ, какъ Согге, признаеть однако это явленіе доказаннымъ. Состояніе болевой чувствительности у преступниковъ было предметомъ живыхъ споровъ; одни, съ Lombroso во главѣ, утверждаютъ, что вообще она у преступниковъ притуплена; другіе, какъ напр. весьма хорошій наблюдатель Laurent, увѣрены, что, напротивъ, преступники переносятъ боль хуже, чѣмъ честные люди. На основаніи моихъ изслѣдованій, незаконченныхъ и потому неопубликованныхъ, я полагаю, что правы обѣ спорящія стороны; между преступниками встрѣчаются субъекты и съ значительно притупленной, и съ значительно повышенной болевой чувствительностью; вообще, насколько я могъ заключить по моимъ наблюдениямъ, субъекты съ различными уклоненіями отъ нормы со стороны нервной системы въ тюрьмахъ встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ либо. Изслѣдованія осязательной чувствительности не дали положительныхъ результатовъ; также и я не могъ придти къ какому либо выводу. Такъ называемыя среднія уклоненія такъ велики, что среднія цифры не имѣютъ значенія; отчего зависятъ такія большія колебанія отвѣтовъ арестантовъ объ ощущаемомъ—отъ недостатка вниманія или отъ особенностей периферической нервной системы или даже центровъ мозговой коры—рѣшать не берусь; полученные мною цифры при изслѣдованіи арестантовъ, вслѣдствіе громадныхъ колебаній, по ученію психофизики, никакого значенія имѣть не могутъ, почему я и не нашелъ возможнымъ ихъ опубликовать.

Также не привели къ согласнымъ между собою результатамъ изслѣдованія Бѣлякова, Вано и Ottolenghi объ остротѣ зрѣнія и суженіи поля зрѣнія. Болѣе согласны между собою изслѣдованія о цвѣтной слѣпотѣ у преступниковъ; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что цвѣтная слѣпота дѣйствительно у преступниковъ нѣсколько чаще, чѣмъ у честныхъ людей: цвѣтная слѣпота явленіе легко опредѣлимое и указываетъ на несовершенство организаціи у преступниковъ по натурѣ. Бѣляковъ ¹⁾ и Gradenigo ²⁾ пришли независимо другъ отъ друга къ

¹⁾ Архивъ психіатріи. 1885.

²⁾ Archivio di Psichiatria. X.

заключенію, что у преступниковъ чаще наблюдается притупленіе слуха; однако, насколько могу судить на основаніи собственныхъ изслѣдованій преступниковъ, это заключеніе нуждается въ подтвержденіи.

Гражданное значеніе имѣеть подмѣченная Lombroso явность рефлексовъ сосудистой системы у многихъ преступниковъ по натурѣ. Давно извѣстно, что самые безправственные люди не способны краснѣть отъ стыда: природа не надѣлила ихъ этой способностью. Lombroso, Adronico, Passini, De Sarlo, Kurella единогласно утверждаютъ, что у многихъ преступниковъ иннервация сосудовъ такъ недостаточна, такъ торпидна, что даже вдыханіе аmylnitrit'a у нѣкоторыхъ преступниковъ вызываетъ ничтожное расширеніе сосудовъ лица. Относительно взрослыхъ и пожилыхъ преступниковъ это безспорное для меня явленіе можно объяснять привычкой; но когда впервые наблюдаешь несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и преступницъ, только-что начинающихъ свою карьеру проституткозъ, совершенно неспособныхъ краснѣть отъ стыда, положительно становится жутко при взглядѣ на этихъ безусловно лишенныхъ стыда пасынковъ природы. Я до сихъ поръ не могу забыть тяжелаго недоумѣнія, всегда овладѣвавшего мною и другими лицами, когда молодой преступникъ или 15—16 лѣтняя проститутка совершенно безучастно передавали свои похожденія, отъ которыхъ приходилось краснѣть слушателямъ. Такъ какъ эффектъ есть явленіе вмѣстѣ и психическое и соматическое, то необходимо заключить, что организмы, настолько несовершенные, что лишены физическаго выраженія стыда, не имѣютъ и психической стороны этого явленія. По моему мнѣнію, когда это явленіе будетъ изучено вполне точно у преступниковъ по натурѣ, ученіе о преступномъ чловѣкѣ приобрѣтетъ неоспоримый аргументъ.

Значеніе сухожильныхъ, періостальныхъ, костныхъ и кожныхъ рефлексовъ такъ мало изучено, что изслѣдованія о состояніи этихъ рефлексовъ у преступниковъ не заслуживаютъ интереса. Болѣе имѣеть значенія то, что будто-бы между пре-

ступниками относительно часто попадаютъ лѣвши. Однако это не доказано. Изслѣдованіе силы у преступниковъ не дали согласныхъ между собою результатовъ; я даже не понимаю, какое значеніе могутъ имѣть такія изслѣдованія при нашихъ современныхъ методахъ изслѣдованія и состояніи знаній по этому вопросу вообще. Какъ на примѣръ крайняго увлеченія, можно указать на изслѣдованіе Ottolenghi ¹⁾, нашедшаго, что у преступниковъ составъ мочи отличается отъ нормальной; подобныя работы подрываютъ довѣріе и къ другимъ изслѣдованіямъ этого автора; это безспорно одно изъ самыхъ легкомысленныхъ изслѣдованій, опубликованныхъ въ послѣднее время.

VI.

Какъ я уже говорилъ, больше всего повредили медицинскому изученію преступника неточныя, недостаточно обоснованныя изслѣдованія самого Lombroso и его ближайшихъ послѣдователей, напр. Ottolenghi. На основаніи имѣющагося пока матерьяла никоимъ образомъ нельзя строить теорій, а тѣмъ болѣе требовать новаго уголовного законодательства и судопроизводства, какъ напр. это дѣлаетъ Ferri ²⁾; поэтому нельзя не согласиться съ Вульффертомъ, опровергающимъ въ своемъ почтенномъ трудѣ поспѣшные выводы нѣкоторыхъ юристовъ изъ только-что начатыхъ изслѣдованій преступнаго человѣка. Мы только-что начали изучать преступниковъ, и только будущее рѣшить, въ чемъ собственно состоитъ представляющаяся намъ уже теперь несовершенной организація преступника по натурѣ. Больше всего вѣроятія заслуживаетъ ученіе о преступникѣ, какъ о вырождающемся, защищаемое столь выдающимся ученымъ, какъ Feré, и ученіе Магго, „наиболѣе строго научнаго дѣятеля итальянской антропологической школы“, по опредѣленію Вульфферта ³⁾. Магго⁴⁾ приходитъ къ заключенію,

¹⁾ Il ricambio materiale nei delinquenti. Lombroso Archivio, IX.

²⁾ I nuovi orizzonti del diritto. 1884.

³⁾ Op. cit. стр. 545.

⁴⁾ I caratteri dei delinquenti. 1887.

что основная особенность организаціи преступнаго человѣка— это недостатокъ питанія центральной нервной системы. Но эти двѣ гипотезы недоказаны, и пока мы должны ограничиться положеніемъ, что у многихъ преступниковъ по натурѣ, какъ физическая, такъ и психическая организаціи отличаются отъ нормальной.

Медицинское изученіе преступника пока только ясно формулировало свою основную гипотезу, составляющую основное положеніе психофизики и экспериментальной психологіи; основная гипотеза нашего изученія преступника—это полный параллелизмъ психическихъ и соматическихъ явленій, живая, постоянная связь и зависимость души и тѣла, психическихъ и физическихъ явленій, составляющихъ два различныя по существу проявленія одного начала.

Совершенно неосновательно упрекаютъ криминальную антропологию въ матерьялизмъ; ея основная гипотеза, вполне ясно развитая творцомъ психофизики Фехнеромъ, ничего общаго съ матерьялизмомъ не имѣетъ. Странно слышать упреки въ матерьялизмъ ученію, признающему неисправимыхъ преступниковъ; вѣдь величайшій философъ-идеалистъ Платонъ ¹⁾ признавалъ неисправимыхъ преступниковъ и трактовалъ о мѣрахъ, которыми государство должно съ ними бороться; а величайшій идеалистъ - поэтъ Шиллеръ сказалъ: „In deiner Brust sind deines Schicksals Sterne“, т. е. то-же самое, что стремится научно доказать криминальная антропологиа.

Медицинское изученіе преступника, конечно, не можетъ замѣнить собою науку уголовного права; оно можетъ только дополнить науку о преступленіи свѣдѣніями о преступникѣ. Сами юристы не могутъ отрицать, что вліяніями „среды“ можно объяснить общее число преступленій, но нельзя объяснить почему тотъ, а не другой совершаетъ преступленіе; не отрицая значенія „среды“, медицинское изученіе преступника стремится изучить, на кого и почему среда воздѣйствуетъ

¹⁾ Gesetze. 826. 827. Protogoras. 325. Gorgias. 473.

такъ, что вся жизнь ихъ есть рядъ преступлений. Въ самомъ дѣлѣ, оставался совершенно незатронутымъ вопросъ, чѣмъ отличаются, чѣмъ характеризуются тѣ, изъ которыхъ „среда“ дѣлаетъ неисправимыхъ преступниковъ. Нельзя считать отвѣтомъ—это лишь перефразировка—потому, что они безнравственны, потому, что ихъ развращаетъ „среда“, не развращающая однако всѣхъ остальныхъ, а лишь тѣхъ немногихъ, большая часть жизни которыхъ проходитъ въ тюрьмахъ.

Криминальная антропологія должна выяснитъ, чѣмъ отличаются тѣ „несчастные“, которыхъ „среда“ обрекаетъ на преступленіе и проститудію. Рядомъ съ изученіемъ общественныхъ условій, столь ужасно воздѣйствующихъ на этихъ несчастныхъ, слѣдуетъ изучить, чѣмъ отличаются тѣ немногіе, на которыхъ среда не можетъ воздѣйствовать иначе, та самая „среда“, въ которой каждый стремится занять возможно лучшее по его способностямъ мѣсто.

Медицинское изученіе преступника совершенно рачіонально начало съ изученія біологическихъ условій, создающихъ несовершенныя организаціи преступниковъ по натурѣ, изученія морфологическихъ и фізіологическихъ особенностей этихъ организацій; такой путь совершенно правиленъ уже потому, что, какъ показалъ многолѣтній опытъ, изученіе соматическихъ явленій гораздо легче, чѣмъ изученіе психическихъ.

Изученіе преступника, его тѣла и души непременно должно было привести къ руководящему дальнѣйшими изысканіями предположенію, что главнымъ, основнымъ отличіемъ преступника должно быть несовершенство его нервной системы, потому что для нравственнаго совершенства необходимо здоровье нервной системы, потому что, какъ тому учитъ психіатрія, первое проявленіе заболѣванія нервной системы¹⁾—это ослабленіе нравственной дѣятельности. Нравственная дѣятельность, какъ то доказалъ Guau²⁾, есть высшее, полнѣйшее

¹⁾ Желаящимъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ рекомендую мою работу «Нравственность душевно-больныхъ». Вопросы философіи. 1892.

²⁾ Esquisse d'une morale. 1885.

проявленіе всѣхъ силъ организма; безнравственность, а тѣмъ болѣе преступность — несовершенство, полная противоположность высшему, полнѣйшему развитію силъ организма. Зло, какъ справедливо говорилъ еще St. Denis l'Areopagite ¹⁾, „est une privation, une defectuosité, une faiblesse“. Не допуская несовершенства психической организаціи безъ несовершенства организаціи физической, медицинское изученіе преступника стремится изучить, въ чемъ состоитъ, отъ чего происходитъ несовершенство и психической, и физической организаціи.

Очевидно, что такое пониманіе причины и сущности преступника представляетъ собою высокій идеализмъ: криминальная антропология видитъ причину самаго сквернаго, самаго дурного въ человѣкѣ въ несовершенствѣ его организаціи, тѣмъ самымъ указывая, что для того, чтобы уничтожить преступленія или по крайней мѣрѣ уменьшить число тѣхъ, которыхъ „среда“ обрекаетъ на преступленіе и проституцію, нужно принять мѣры къ укрѣпленію, улучшенію здоровья тѣхъ, которые или наследственно или вслѣдствіе дурныхъ гигиеническихъ условій въ раннемъ дѣтствѣ рискуютъ имѣть организацію, съ которой нельзя приспособиться къ средѣ. Медицинское изученіе преступника пока можетъ дать мало для практической жизни, но все-таки и теперь оно можетъ преподавать весьма цѣнный для общества совѣтъ: нужно бороться противъ алкоголизма, нужно организовать призрѣніе душевно-больныхъ, необходимъ строгій медицинскій надзоръ надъ всѣми промыслами, вредно вліяющими на здоровье, безусловно необходимъ дѣятельный надзоръ за дѣтьми, родители которыхъ почему либо не могутъ дать имъ правильнаго ухода.

¹⁾ De noms divins. ch. IV.